

Рубен Лисициан. Воспоминания об отце (фрагменты)

К 100-летию Павла Герасимовича Лисициана

Сколько людей прошло через юбилей в сто лет! Это почти всегда означает, что их больше нет. Были, а теперь нет, и уже не будут. А мы радуемся, вспоминая их прошедшую жизнь здесь и уже не плачем, что их больше не увидим, потому что сто лет – это много.

Я помню моего отца с мамой ещё молодыми и такими красивыми! На них смотрят, их узнают. Тогда узнавали без телевидения и кино. Тогда очень любили искусство – советское искусство. Другого не было. Даже детей узнавали. «Смотри – сын Лисициана!». Мне стыдно, я прячу глаза, хочу скорее уйти!

Большой театр. Мир мечтаний, отдохновения, когда-то и дом моего детства. До сих пор помню запах кулис. Стоит дядя Серёжа Лемешев с дочкой Машкой. Бегу к партеру, сажусь с мамой, верчусь, как полагается детям. «Если ты будешь елозить, я скажу Василию Васильевичу и он тебя прогонит из театра». С ужасом смотрю на дирижёра. Кажется, пронесло. Сажу тихо. Звучит музыка Чайковского – он умер всего 60 лет назад. Открывается занавес. Варят варенье. Красивые декорации. Поют. Вдруг входят папа и дядя Серёжа. Зал взрывается громкими аплодисментами и криками «браво». Я сажу и боюсь Небольсина, у него такая острая палочка, но тихо горжусь. Смена декораций. Дуэль. Папа побеждает и я счастлив. Про злой рок дяди Серёжи я и не думал – сам виноват. Зачем вызывать на дуэль, если стрелять не умеешь? Я надеялся, что дома ещё успею поиграть, но не тут-то было. Целый час какая-то женщина на сцене не могла

написать письмо. В общем, в этот вечер игры не получилось. Приходит папа – у него лицо после грима такое мягкое, доброе... «Ты считаешь, что достаточно сегодня позанимался на виолончели?». Неужели нельзя придумать другую фразу? Почему надо всегда спрашивать про это проклятую виолончель? Мало того, что я её ненавижу, я ещё должен её таскать в школу через весь бульвар. Сам-то ничего не носит! Вот бы мне петь! Это всё дядя Слава Ростропович виноват – у твоего сына виолончельные руки, я с ним буду заниматься – а меня спросили?

Конец 60-х. Мы с папой на конкурсе в ГДР. Он меня распевает перед турами. Сегодня третий тур, я не могу заснуть – папа немного простудился и храпит. «Папа, не храпи, мне обязательно надо выспаться, голос не будет звучать». Он встаёт, садится за стол. Утром просыпаюсь – папа сидит за столом, смотрит на меня.

– Ты не спал! Из-за меня!

– Сегодня твой день. Ты должен победить. Одевайся, приводи себя в порядок, завтракаем и на распевку.

Вечер, ждём результатов. Входит маэстро Христо Брымбаров из Болгарии. Проходит мимо нас и показывает один палец – говорить ещё нельзя. У папы в глазах слёзы – мы победили.

2004 год. Я на даче. Сидит папа, обхватив голову руками.

– Папа, давай, сыграем в нарды.

– Не хочу.

– Давай, разложим твой любимый пасьянс.

– Не хочу.

– А что ты хочешь?

– Ничего. Пора.

– Нет, не пора, не пора!

Я целую его руку. Она тёплая...

Мы стоим в Армянской церкви на Ваганьково, четверо его детей. Никого нет, нас оставили одних, чтобы не мешать. Я целую его руку. Холодная. Слёзы текут у нас, у его детей.

Мы ещё много раз скажем «папа». Ответа уже не будет никогда. Он ушёл, звезда погасла.

100 лет – это так мало!

Москва. 03.11. 2011